

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Когда римляне одержали победу в войне и наступила как бы передышка в несчастиях и одновременно смолк гром оружия, тогда было начато судебное дело об убийстве Губаза. Итак, Афанасий величественно восседал на высоком седалище, одетый в хламиду, которую носят только самые выдающиеся из начальников. Присутствовали люди опытейшие в скорописи и в умении быстро и ловко расшифровывать написанное, другие служащие, держащие себя сурово и торжественно, опытейшие в судебных делах, звонкоголосые глашатаи и ликторы. Все они были выделены константинопольским правительством.

Те, которым было поручено, выносили на середину железные оковы, ошейники, кандалы, петли и другие орудия пытки. И, мне кажется, император Юстиниан не безосновательно, не безрассудно, но весьма разумно приказал организовать судебное дело с таким церемониалом и торжественностью, чтобы не только присутствующие там варвары удивлялись римским учреждениям, когда они им будут представлены с торжественным церемониалом, и больше привыкли к их управлению, но если даже Губаз, убитый за попытку перейти к мидянам, окажется в этом изобличен, то чтобы колхи больше не скорбели о его убийстве и не возмущались этим, как страшным бедствием. Если же убийцы будут изобличены во лжи и в совершении постыдного преступления и будут осуждены общественным судом, то варварам приговор покажется более суровым и наказание окажется удвоенным, когда преступники будут проведены через войсковой строй в предшествии глашатая, карательного меча, когда виновным будут отрублены головы на виду у всех. Ибо он знал, что если он по обычаю варваров путем тайной казни прикажет устранить Рустика и Иоанна, то колхи будут считать, что недостаточно суровые наказания назначены за подобные преступления. Когда же судебное дело ведется перед трибуналом и дело решается с участием двух сторон и судебные служащие проходят взад и вперед, а виновные каждый по очереди в порядке встают и отвечают согласно приказанию, когда зрителям будет показана вся торжественность суда и красноречие, поражающее слух, при выполнении всего этого само возмездие будет представлено варварам более суровым и даже, может быть, превышающим меру совершенного преступления. Процедура суда поражает даже самих римских граждан и лишает их душевного равновесия, хотя они часто с этим сталкиваются. Тем больше воздействие будет на варваров, к этому не приученных. По этой, я думаю, причине римский, лучше сказать аттический, трибунал был учрежден на Кавказе.

2. Тогда Рустик и Иоанн, выведенные, из тюрьмы, были поставлены с левой стороны как обвиняемые. На противоположной стороне появились в качестве обвинителей мудрейшие из колхов, уже давно изучившие греческий язык. Они попросили прежде всего огласить во всеуслышание инструкции императора по этому вопросу, которые Иоанн раньше привез военачальникам. Это требование было удовлетворено судьей: их громким голосом прочитал один из

тех, которые к этому были предназначены. Они заключали в себе следующее: «Мне кажется невероятным и абсурдным сообщаемое вами, а именно, что Губаз решил, отвергнув отечественные нравы и тех, которые во всем с ним придерживаются одинаковых верований, оставить римлян и перейти на сторону людей, столь враждебных, чуждых и отличных от нашей веры, и притом не вызванный на это никакой с нашей стороны обидой. Впрочем, так как знаем, что все человеческое непрочное и обманчиво, и нередко можно наблюдать круговорот разнообразных и изменчивых случайностей, мы считаем, что не должен быть вполне лишен доверия и ваш вестник. Нельзя не попытаться предупредить то, что он или только замышляет, или уже окончательно решил. Поэтому мы оставляем за собой особо внимательное и тщательное изучение этого дела, которое еще не ясно. Конечно, тягостно ни на кого не полагаться твердо, относиться с подозрением и страхом даже к близким к нам. Тем не менее во всем мы последовательно придерживаемся этого принципа: мы следуем природе и не доверяем никому. Но чтобы, с одной стороны, не принимать поспешно какого-либо жестокого и бесчеловечного решения по отношению к Губазу, а, с другой стороны, чтобы не показаться слабым и непредусмотрительным, боящимся действия, чтобы избежать риска в том или другом отношении, решено нами нечто среднее, как более соответствующее умеренности, а именно: доставить этого человека сюда. Итак, пришлите его как можно скорее или добровольно, или принудительно. Если же он, узнав ваше желание, будет сопротивляться и откажется ехать, когда вы будете пытаться захватить его и отправить (так как и это вам позволительно делать) или даже поднимет на вас руки, тогда только мы будем убеждены на деле, что он задумал отпадение, и в дальнейшем будем считать его в числе величайших врагов, так что если даже кто его убьет, осмелившегося на это, то мы будем считать это только достойным воздаянием за преступление. Тогда исполнителя не постигнет никакое наказание. Он не будет наказан, как человекоубийца, но должен быть восхваляем как тираноубийца». Так были установлены точные инструкции императорского письма.

3. Тотчас же колхи, выделенные для обвинения, как только судья им предложил изложить сущность своего обвинения как они этого желают, горячо приступили к обвинению и сказали следующее: «Само совершенное преступление, о судья, даже если бы мы молчали, ясно требует, чтобы виновники были подвергнуты суровейшим наказаниям. Впрочем, если вашими законами так установлено, что даже об очевиднейших и величайших преступлениях решение не выносится, пока факты не будут доказаны речами, то и мы теперь кратко изложим сущность [обвинения]. Так нами будет выполнено предписание закона, даже если наша речь будет проста и бесхитростна и совершенно не будет соответствовать величине содеянных преступлений. Ибо какое оправдание может быть тем, кто бесчеловечно убил такого мужа, вашего друга, вашего слугу, товарища в войне и мире связанного с вами единством религии, всегда отстаивавшего ваши интересы, тех, кто возбудил против вас такое озлобление в народе, заслужив тем признательность ваших

врагов? Ибо умерщвлен ими царь, притом царь народа небезызвестного, ревностный поборник добродетели, отстаивавший интересы римлян гораздо больше, чем убийцы. Действительно, повергнуты и расстроены дела колхов, а лучше сказать - дела всего государства, поскольку мы составляем часть, и немалую, [римских] подданных, нарушен и ваш целостный, нерушимый порядок, а ваша мощь сильно поколеблена, так как государство, здоровое и крепкое не во всех своих частях, но потрясенное хотя бы в малой своей части, уже не может стоять крепко. Напротив, присваивает себе ложное наименование то, что лишено целостности и совершенства. Итак, они являются виновниками всего этого. Но, говорят, вы не должны рассматривать самый факт, хотя и жестокий, а обращать внимание только на то, с какой целью и с каким намерением он совершен, больше представлять себе в уме разными темными, якобы правдоподобными аргументами воображаемое благодеяние, какое на самом деле он причинил. Рассеивая в толпе постоянно эти басни и ложь до начала суда, виновные полагали, что обманут души многих. Но если это они представят на самом суде, пусть знают, о судья, что не свойственно римлянам позволять себя дурачить безнаказанно, оставив без внимания явное, столь очевидное злодеяние ради сомнительных отговорок, которые они тщетно выдумывают. Нельзя переносить тех, кто, убив такого мужа, этим бесстыдно хвастаются, бесстыдно лгут, будто это убийство принесло пользу государству. Каким образом могут сосуществовать кричащие противоположности или каким образом, называя это деяние бесчеловечным, мы одновременно будем восхвалять намерения выполнивших его? Всегда несоединимы и весьма далеко отстоят друг от друга и никогда не могут быть соединены подлость и польза, жестокость и правосудие.

4. Но если даже взять только одни их побуждения, то ими также изобличаются эти злобные и негоднейшие люди. Те, кто питает замыслы, благоприятные персам, как эти кровожадные, не могут даже называться римлянами. Нельзя иметь никакого дружественного общения с ними как соотечественниками. Они скорее должны рассматриваться как враги, как будто бы уже теперь отделенные от вас общим законом, хотя еще вами не написанным. Противники и враги должны узнаваться по своим делам, а не по месту пребывания. Осуществляющий с величайшим рвением угодное врагам должен рассматриваться по заслугам как враг, не смотря на то, что присутствовал здесь, вместе воевал и был ближайшим родственником. Но, говорят, они убили не друга, не царя, но скорее врага, тирана и сторонника персов. Они дошли до такого бесстыдства и низости, что мертвого обвиняют в склонности к мидянам. Несчастный, даже мертвый, не свободен от клеветы, но теперь обвиняется в измене, так что ему и победа несколько не помогла. Какой закон у вас или у варваров одобрит обвинение после приведения приговора в исполнение? Сделавшись всем вместе - и судьями, и врагами, и обвинителями, - они вынесли приговор без объяснения причин, приговор, какой можно было вынести только тому, кто действительно обвинен в тирании.

Им нужно было, прежде чем умерщвлять его, если только они верили в свои обвинения, открыто возбудить против него судебное дело, вызвать на расследование виднейших граждан, а не клеветать, как теперь, на обвиняемого без суда. А если это всем позволено, то почему бы и нам не уничтожить этих людоедов нашими руками? А если нас, возможно, вызвали бы в суд, то мы выступали бы противниками уже мертвых и упрекали бы их в том, что ими было содеяно раньше. Мы пытались бы доказать, что мы справедливо одно преступление возместили другим. Ибо, мы, гораздо более оскорбленные очевидными преступлениями, совершенными ранее, могли бы легко отомстить за себя, и наше отмщение было бы правильным. Но если вам надлежит жить сообразно отечественным законам, то ни нам, ни другим не подобает совершать подобное. В самом деле, если одним будет позволено убивать своих личных врагов, как только им это заблагорассудится, и если эти случаи будут учащаться, и это своеволие возрастет до бесконечности, то каким образом у всех сохранится в неприкосновенности и целостности возможность служить свободно и без страха? Ибо если все будут безнаказанно убивать друг друга, если осмелятся безнаказанно наносить друг другу обиды, и вы не можете покарать их за это, то разве не погибнет нелепо весь народ, а возможность расследования будет пресечена наглостью предпочитающих самостоятельное мщение.

5. Но, скажут, какое зло в том, что благодаря убийству одного человека и притом изменника наши союзники научатся вести себя осмотрительнее? Конечно, если множество предателей будет истреблено, даже если исполнителям от этого не будет никакой пользы, то самый факт кары подобных преступников сам по себе достаточно полезен. Но если предательство это совершенно не доказано, и в то же время человек, так высоко поставленный, сразу умерщвляется и подвергается каре,- как будто уже изобличенный, то каким образом это сделает для вас союзников более сговорчивыми? Разве не расторгнут они скорее договоры и соглашения если сочтут вас участниками такого преступления? Они могут думать, что если вы даже по отношению к людям, близким и теснейшим образом с вами связанным, до того бесчеловечны и низки, то никоим образом не можете быть постоянны и верны по отношению к чужеземным и иностранцам, с которыми вы считаетесь только до тех пор, пока этого требует необходимость. Но, само собой разумеется, вы не являетесь участниками этого безбожного замысла, и этот тяжкий, требующий очистительной жертвы грех, в котором всецело они виноваты, не затрагивает ни римского народа, ни укоренившегося у союзников убеждения, что вы всегда верны, постоянны и управляетесь справедливыми законами. Для большего убеждения нас в этом и учрежден этот ваш трибунал - для общей славы народа, дабы все понимали, что совершенно без вашего ведома колхам причинены такая жестокая несправедливость и насилие. Теперь, быть может, взгляды многих разделяются и колеблются. Когда же по твоему решению, судья, эти преступники будут скоро казнены, будет более ясно, чем теперь, что вы не привыкли предавать ваших друзей, но являетесь мстителями за сделанные преступления. Хотя на словах они, по-видимому, защищают

себя, на деле они вынуждены себя обвинять, изобличать и признавать подлость совершенного ими преступления. Ведь императорские письма предписывают военачальникам выслать Губаза в Византию, принудить его, если он не послушается и будет противиться необходимости, но отнюдь не умерщвлять, пока он не начнет действовать враждебно, открыто отпав [от императора]. Они же, будучи военачальниками и не получив ни от кого позволения делать все, что им заблагорассудится, внезапно умертвили несчастного, даже не предложив ему отправиться в Византию, не сделав ни малейшего усилия принудить его, если бы он сопротивлялся, не предъявив в качестве доказательства правительственного предписания, если бы он каким-либо образом обнаружил неповиновение. Они хвастаются и кичатся, что выполнили поручение императора; в действительности же они изобличаются в полном пренебрежении к его воле, так как не устрашились возвести на Губаза ложное обвинение и собственным произволом вынести ему приговор, противоположный тем вполне разумным предписаниям, которые в действительности были даны [императором], и, что беззаконнее всего, даже не показали императорских писем, сделав вид, что они совершают свое деяние на основании этих писем.

6. Поэтому мы не думаем, чтобы какая-либо казнь и мучение могли превзойти их злодеяние. Должна избегаться и запрещаться законами всякая несправедливость по отношению к кому бы то ни было, а в особенности когда дело идет о том, с кем обошлись так возмутительно, кто был столь дружелюбен и благожелателен к вам, кто часто подвергался опасности ради своих союзников. Кто променял персидские богатства и все блага за одну дружбу с вами? Кто отверг дружбу Хосрова, у которого легко было ему получить большое богатство, кто предпочел у вас довольствоваться меньшим? Когда ваша страна в течение очень долгого времени была теснима мидянами, когда ваши войска еще медлили приходом, его быстро менял свое местопребывание, скрывался на высочайших вершинах Кавказа и, таким образом, предпочитал лучше вести жизнь, похожую на звериную, чем использовать щедрость врагов, вернуться домой и жить изнеженно и с полными удобствами? Кто же это? Тот, кто не боялся никаких трудностей и тягостей, если дело касалось важных интересов, - Губаз. О законы, о справедливость! И о нем, Губазе, говорят, что он тиран, что он замышлял перейти к мидянам и предать римлян. Умерщвлен Рустиком и Иоанном, отвратительными и гнусными людьми, человек, бывший царем, который, даже если бы он действительно был виновен в этом преступлении, все же не мог бы быть караем сразу же этими людьми, но должен был отчитаться в своих действиях и получить своевременно заслуженное наказание от общего величайшего и правосуднейшего государя римлян и колхов. Но у них не было никакой уважительной причины для совершения этого преступления; только безумная ненависть, вытекавшая из зависти, довела их до этого преступления, не оставив никакого времени для правильного обсуждения, обдуманного размышления и осознания должного. Поэтому, отбросив все преграды, дав полную свободу раздутую высокомерию своей души и пылающей ненависти, они осуществили то, что замыслили и обдумали в своей ду-

ше гораздо раньше, используя эти письма как предлог, даже не обратив внимания и не помыслив об особенностях настоящего положения. Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами. И действительно, насколько это было в их силах, они стремились к тому, чтобы мы отделились нашим врагам и устраивали козни против старых друзей. Страна наша стала бы персидской, отечественные учреждения были бы совершенно уничтожены, все пришло бы в хаотическое состояние, - какие безумные замыслы для поднятия восстания и внутреннего смятения в вашей стране! Когда дело обстоит таким образом и наши дела так потрясены, то, если можно придумать достойное наказание преступникам, оно должно быть придумано. И если мы всегда верны римлянам, то несправедливо, судья, чтобы преступники злоупотребляли нашей кротостью и претерпели меньше, чем требует величина их преступления».

7. Когда они так обвиняли, собравшиеся там толпы колхов не могли хорошо расслышать отдельные слова или уяснить значение отдельных аргументов. Но, зная, о чем шла речь, они помогали обвинителям выражением своего им сочувствия соответствующими жестами и мимикой. Находясь в сильном душевном волнении, они отображали на своих лицах то надежду, то отчаяние. И затем, когда обвинители кончили речь, а судья немного помедлил и устроил совещание, они были этим огорчены и молча возмущались, что преступников не подвергают казни немедленно. Когда же судья объявил, что и обвиняемые могут сказать в свою защиту все, что желают, тогда они начали открыто протестовать и шуметь, причем уже явственно слышались отдельные негодующие выкрики. Но обвинители, знаками призывая к молчанию толпу, предупредили нарастание беспорядка. Когда водворилось молчание. Рустик, выйдя на середину с братом своим Иоанном, сказал следующее: «Судьба быстро изменила и повернула в обратную сторону наши желания. Когда нам полагаются величайшие награды, мы пытаемся избежать смертного приговора. Но тем не менее этот суд представляется нам весьма желательным и исполненным величайшей славы. Пусть станет всем ясно, что нам одним принадлежит заслуга умерщвления предателя и тирана и сохранения интересов императора, так что, если нас постигнет смерть, мы охотно воспримем как желательное и добровольное то, что вынуждено и горько. Мы умрем, сохраняя прекрасное для ободрения и успокоения души напутствие на дорогу - наше собственное сознание, что оставляем римлян, сохраняющих власть в Колхиде, сознание, что она не отнята у них. Если бы этот трибунал был персидским и нам пришлось бы выступать перед их судом, то, конечно, вам было бы необходимо отрицать то, что было сделано, следовало бояться расследования, мы всячески бы стремились всеми способами отрицать [наше участие] перед судьями, настроенными по отношению к нам враждебным образом, раздраженными этим событием, так как благодаря ему они лишились своей надежды.

«Когда же судья - римлянин, зачем нам отрицать факты или зачем оправдываться перед вами в том, что мы убили тирана и этим оказали вам большие услуги? Не должно приписывать почетный титул царя тому, кто его совершенно не заслужил и сам доказал это, хотя об этом и кричат обвинители и говорят о жестокости совершенного нами злодеяния. Ибо подобает давать этот титул не носителю внешних украшений - фибул и хламид, но тому, кто почитает правосудие, умеет сдерживать свои страсти, а свои помыслы направляет только к возвышенному. Если бы убили такого мужа, мы поступили бы противозаконно, обвинение было бы справедливым и колхи нас справедливо называли бы насильниками, гордецами, разбойниками.

Но так как его нрав был весьма далек от этих добродетелей и он не замыслил ничего разумного, но думал только о том, как бы тайно навести на нас персов и им продать нашу власть, то разве не было наилучшим исходом предотвратить этим славнейшим деянием самую возможность угрожавшей напасти? Тот, кто чувствует опасность, угрожающую от чьих-либо козней, если только может, должен немедленно предотвратить эти козни и угрожающий кризис любыми способами: вместо того, чтобы медлить, приспособляться к обстоятельствам, должен нанести удар огромной силы, а не удовлетворяться возможностью предотвращать козни другими кознями. Ибо, когда замыслы уже приведены в действие, не остается никакого средства предотвращения [их], все сразу пойдет к худшему, когда с уничтожением общественного спасения пропадает даже надежда на него. Поэтому благоразумным нужно действовать быстро и предупредить, чтобы не случилось чего-либо непоправимого.

8. Хотя обвинители и усердствуют, называя это преступлением, заслуживающим очистительной жертвы, разбоем и другими того же рода трагическими наименованиями, чтобы представить событие в самом отвратительном виде, и всеми силами стараясь представить только голый факт, но твое дело, судья, внимательно рассмотреть также все то, что ему предшествовало, что нас побудило к этому делу, и из полной обоснованности наших мотивов убедиться в нашей преданности. Ведь мы видим повсеместно по городам, как бродяг, воров и других подобных преступников карают отсечением головы, отсечением ног, и мы не осуждаем такую казнь, которую видим своими глазами, какой бы она ни представлялась зам жестокой и бесчеловечной, и не осуждаем за то должностных лиц, выносящих приговоры, не называем их проклятыми, безумными, преступными. Но, рассматривая проделанное [преступниками] и учитывая то, что они получают возмездие за свои преступления, мы радуемся жестокости [наказаний]. Не напрасно изобретена казнь, так как преступники отнюдь не исчезают. Умерщвлен нами Губаз. Правильно определяя понятие врага, обвинители согласны, что оно относится не только к чужестранцу, но даже и к соотечественнику, который стремится служить врагам. И мы такое определение считаем наилучшим, так как оно свойственно сущности самого дела. Так как каждая из сторон согласна с этим, то позволь нам доказать, что Губаз был враг, пользуясь этим самым определением. Если это

будет доказано, то станет очевидным, что он убит по справедливости. Всегда всякий варварский народ, хотя и подвластен римлянам, но умом отстоит от них весьма далеко, с трудом переносит бремя законов, установленный порядок и обычно стремится к переменам и смутам. И мысли жить безмятежно под властью других он никак не допускает, даже не думая о том, пострадал ли он от какой-нибудь несправедливости. Так как им невозможно примириться с этим, народы сходных с ними порядков и близко к ним расположенные стремятся присоединить их к себе. Хотя Губаз был подвержен всем этим порокам как варвар и страдал свойственным этому народу вероломством, но он, сверх того, проникся такою ненавистью к нам, что даже не считал нужным ее скрывать. Наоборот, он выявил и проявил враждебность открыто на деле, ту ненависть, которую носил скрытно уже давно в своей душе.

Когда мы напряженно трудились и подвергались всем опасностям, чтобы разрушать планы врагов, - он считал, по нужно оставаться дома со своими соотечественниками и не принимать никакого участия в военных действиях. Но он тщательно наблюдал, куда клонится ход боевых состязаний. Если римлянами совершалось какое-либо славное дело и доставляло соответствующую истинную славу победы, он, выявляя свой враждебный завистливый нрав, пытался сейчас же осмеивать совершенное, развенчать величие совершенного деяния, называл его потешным концом смешного предприятия, и если оно и удалось, приписывал его не храбрости, а изменчивости судьбы. А когда мы случайно терпели неудачу (ибо как может случиться, чтобы человеческие дела всегда оставались в одном положении, а не превращались в свою противоположность), тогда он, как некий добровольный судья событий, тотчас же освобождал судьбу от всякой вины, как будто бы исход событий от нее не зависел. Для него тогда оставалось твердо установленным, что нет никакой другой причины нашей неудачи, кроме дряблости нашего духа, бессилия рук и безрассудства планов. Изменчивость, непостоянство и капризы судьбы и все, чем оскорблял нас, он никогда не относил за счет врагов, как будто в этом отношении они превосходили нас.

9. И об этом он кричал открыто и давал знать не только персидским войскам, которым во всем способствовал и содействовал, но тотчас же гонцы, отправленные им, объявляли об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше этих и еще дальше. Он не поколебался бы ради этого обойти все концы земли. А суть известий была такова: «римляне негодны в войне и побеждаются варварами». И в этих делах он прилагал все свое старание, не только чтобы оскорбить весь римский народ (хотя и это чудовищно и достаточно явное доказательство враждебной души), но к этому он прибавлял и нечто другое, еще более важное, над чем он больше всего трудился и упражнялся. Он замышлял поколебать частично мнение, сложившееся у всех народов о величайшем императоре как превосходящем силой всех других и украшенном бесчисленными трофеями и таким образом их,

охваченных страхом и удивлением к величию римского имени, натолкнуть на дерзость и своеволие.

Не называется ли по справедливости тот, кто это делает, врагом? Или его лучше назвать другом, благожелательным царем, находящимся под защитой договора, и другими титулами, какими обвинители украшают тирана, хотя обе стороны согласны в том, что не иначе можно отличить друзей от врагов, как только по результату их дел и по доброй или злой их настроенности.

Если мы доказали, что Губаз огорчился нашими победами и радовался, если случилось по нашей вине какая-либо неудача, то зачем же варвары ссылаются на римские законы, по предписанию которых мы привыкли наказывать или, если нужно, даже уничтожать колеблющихся хотя бы частично государственный порядок или причиняющих ему вред?

Но если кажется лучшим оставить догадки и предположения и рассмотреть исключительно голые факты, то куда это рассмотрение нас приведет? Персы занимали укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Позорно, что неприятельские войска прочно утвердились в нашей стране, в наших стенах. Военачальники твердо решили двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто подготовлял против нас всякие козни. Для этого предприятия необходимо нам было войско колхов не только потому, что, знакомые с местностью больше, чем мы, помогли бы нам своими советами, но и для того, чтобы объединить с нами свое войско и свои силы, так как нам пришлось бы сражаться против тяжелооруженных, засевших в укрепленном месте, и против тех, кто, вероятно, пришел бы им на помощь из Мухиризиса. Что нужно было сделать военачальникам при таких обстоятельствах? Нужно было встретиться с вождем племени и просить его о союзе, объяснив ему справедливость просьбы. И, действительно, встретились и объяснили нужное. Он же, как будто убедив себя, что он и в самом деле царь, и что ему, следовательно, позволено и действительно жить по своему произволу, не захотел не только соединить свое войско с нашим для штурма укрепления, но даже присутствовать при нем. При этом он не дал даже никаких объяснений, хотя бы и мало удовлетворительных, но представляющих какой-нибудь благовидный предлог для отказа. Вместо этого он отказал в нашем требовании самым грубым образом, надменнее, чем подобало наемнику и подданному. Сверх того, упорствуя в своей ненависти против военачальников, он, как враг, обрушился на них с оскорблениями, считая это храбростью, приличествующей царям. Конечно, при этом он совершенно определенно проявил бесстыдство в давно задуманном преступлении. Разве можно было при таких обстоятельствах медлить дальше, ожидать более веских доказательств, показывать императорские письма, в которых от него требовали отправиться в Византию, когда он не хотел проделать и весьма короткого пути внутри своей страны? Как мы могли попытаться послать его, пропитанного к вам такой враждебностью, в Византию? Какое беспримерное смятение, сколько внутренних смерто-

убийственных столкновений мы возбудили бы этим! Скорее всего мы дали бы толчок к открытому отпадению и непрерывным вторжениям персов, когда этот враг бесстыдно противился нам и 80 всем сильно противодействовал, когда и без того весь народ этот весьма склонен к возмущению, склонен более, чем другие варвары, к изменению существующего строя, в особенности когда поблизости есть желающие принять их под свою защиту. Мы же, умертвив вождя возмущения, таким образом легко предотвратили целую цепь подобных бедствий, уже назревавшую и рождающуюся, предотвратили настолько легко, что теперь даже открыто отказываются верить, действительно ли что-то подготовлялось.

10. Поэтому пусть, судья, не предъявляют писем и не осуждают нас в том, что мы совершенно нарушили инструкции. Кому не было очевидно, что предписание о необходимости ему идти в Византию было только пробой и испытанием, подчинится ли он добровольно предписаниям и будет ли с ними считаться должным образом. А так как вам были хорошо известны упрямство и наглость его души, почему он отказался от меньшего, то каким образом его можно было побудить к большему, не придя тотчас же к великому кризису? А мы пришли бы к нему неизбежно, когда и без того много зла произошло в то время. Кто пренебрегает благоприятным моментом и не хватается сейчас же за то, что нужно делать, напрасно дальше будет призывать упущенную возможность. Оставалось, быть может, как говорят обвинители, начать судебное дело против Губаза и вызвать в суде пустое словопрение, предпочитая безопасности надутые речи, но этого не позволяли уже имевшиеся налицо персы, представляющие самую реальную угрозу и готовые к нападению на всю область колхов по его наущению и при его содействии. Теперь, когда мы всесторонне показали, что Губаз одновременно и враг и предатель, помыслы которого были направлены к тирании, какую разницу думают видеть колхи в том, был ли он умерщвлен нами или другими? Чувство любви к отечеству рождается и упрочивается не у одних только полководцев или лиц, облеченных властью, но у каждого, желающего жить свободно, является соответствующая забота о государстве, в котором он занимает какое-нибудь место, и желание всеми силами способствовать общественному благоденствию. Хотя они называют нас проклятыми и достойными презрения, однако на самом деле мы - вернейшие подданные императора и римские патриоты, не позволяющие злоумышлять против него. Если нужно к этому еще что-либо прибавить, то знай, судья, твердо, что это правильное и справедливое, выполненное по необходимости деяние, совершено с одобрения Мартина!

II. Когда эти закончили речь, Афанасий прежде всего обратил внимание на речи Рустика. Дважды был судебный допрос, все обстоятельства были точно разобраны и исследованы, было установлено отсутствие какой-либо измены или стремления к тирании со стороны Губаза, а [как выяснилось] имело место беззаконнейшее и низкое убийство. Если он отказался от совместного похода к Оногурису, то причиной этому было не его отпадение на сторону мидян, но его негодование на начальников войска за то, что укреп-

ление это было потеряно вследствие их безрассудства и небрежности. Когда все это судьей было установлено, то он решил сообщить, что Мартин принимал участие в подготовке этого злодеяния, довести до сведения императора. Им же, неопровержимо уличенным в убийстве, он вынес приговор, в котором предписывал подвергнуть их немедленно смертной казни путем отсечения головы. Их провозили по общественным дорогам, посаженных на мулов специально для колхов, что было для них предметом любопытного зрелища и напоминанием о необходимости величайшей осмотрительности. Особенно их поражал голос герольда - глашатая, кричавшего громко и пронзительно, призывавшего бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств. Когда же у них были отрублены головы, все прониклись состраданием, забыв об оскорблении. Этим закончился суд. Колхи же снова почувствовали величайшее благорасположение к римлянам, восстановив старые к ним отношения.

12. После этого римское войско зимовало в городках и укреплениях, как каждому было указано. В это время люди, имеющие наибольшую власть у мисимиян, пришли в Иверию к Нахогарану и объявили ему, что они сделали с Сотерихом. Истинную причину они дипломатично скрыли, сказали только, что когда они в течение долгого времени стояли на стороне персов, их обливали грязью колхи и римляне и считали их самыми опозоренными людьми. Напоследок же явился к ним сам Сотерих на словах якобы для распределения денег союзникам, а на деле для того, чтобы уничтожить и погубить весь народ. «Итак, нам надлежало, - говорили ораторы, - или совершенно погибнуть, или, предупредив римлян, заслужить у кого-либо славу необдуманности и с их стороны подвергаться осуждению, но сохранить наш старый образ жизни и принять о делах, нас касающихся, наиболее полезное решение. Мы избрали лучшее и более соответствующее человеческим нравам, мало заботясь о брани и упреках, а выше всего ставя наше спасение. Поэтому мы умертвили Сотериха и тех, кто явился с ним для указанных целей, чтобы отомстить за нанесенную нам обиду и, этим дав залог крепчайшей верности персам, перейти к ним с наибольшей славой. Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут нас преследовать своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, насколько это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытные и, по заключении с вами союза, будем сражаться весьма храбро и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, - безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов». Нахогаран, услышав это, принял их весьма радостно, похвалил за отпадение и приказал возвратиться домой в уверенности, что в нужный момент они получают персидскую помощь. Послы, вернувшись домой и рассказав обо всем, внушили народу величайшие надежды.

13. Весной римские военачальники собрались и решили идти на мисимиян. Бузе же и Юстину было приказано остаться у Острова для охраны этого пункта и для заботы обо всем. Послано было против неприятеля около четырех тысяч пехоты и конницы, среди которых были и мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них - Максенций и Феодор, вождь отряда цаннов, оба воинственные и таксиархи. Так они начали поход. Предполагалось, что немного позже к ним присоединится и Мартин как будущий военачальник, чтобы поход даже на короткое время не был лишен вождя. Начальство над всеми войсками, пока они будут проходить через подвластную территорию, было передано армянину Боразу и Фарсанту - колху, которые ни военной доблестью, ни другими достоинствами не превосходили прочих участников, но некоторым даже уступали, ибо Бораз числился в разряде лохагов, другой же был вождем служившей при императорском дворце тагмы колхов, звание [его] - магистр, название же тагма получила по имени служивших в ней варваров. Но он не имел ни такого благоразумия, ни такого авторитета, чтобы управлять уверенно римским войском.

Итак, это войско с наступлением лета пришло в страну апсильцев. Когда оно хотело продвинуться дальше, то препятствием ему явился персидский отряд, там собранный. Ибо, узнав о приготовлениях римлян и о том, что они идут на мисимиян, персы, выступив из Иверии и городков, расположенных вокруг Мухиризиса, двинулись на римлян, предупредив их в занятии местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам. Поэтому римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время, пока не истечет срок жатвы; идти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным. Итак, каждое войско оставалось на месте; ни одно из них не делало даже попытки продвинуться дальше, но они взаимно наблюдали друг за другом и выжидали, кто двинется первым. Были у персов также вспомогательные войска из гуннов савиров. Этот народ, и величайший и многочисленный, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим. В прежней войне они сражались против персов, когда в ночном бою истребили большое число напавших на них дилимнитов, как об этом я выше рассказал. Когда же военные действия были закончены, они были отпущены римлянами, получив условленную плату, и перешли на сторону тех, кто немного раньше были их ожесточенными врагами, те ли самые или другие, но во всяком случае из этого народа, посланные в качестве союзного войска.

14. Из них около пятисот савиров помещались на каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска. Когда Максенций и Феодор хорошо разведали.

что они, отложив оружие, находятся в беззаботном состоянии, то тотчас послали против них триста всадников. Окружив незаметно стены (они были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего внутри всадника), подойдя, как я сказал, к стенам со всех сторон, они стали поражать варваров метательными копьями, камнями, стрелами и всем, что попадалось под руку. Те, вообразив, что врагов больше, чем было на деле, пораженные неожиданностью, даже не думали о защите. Не было возможности и для бегства, так как они находились внутри стен. Итак, все находящиеся там были быстро перебиты. Только сорок человек чудесным образом, при помощи рук и ног взобравшись на стены, бросились в разные стороны и скрылись в ближайшем дремучем лесу. Но римляне и там не прекращали их преследования. Как только об этом были извещены персы, тотчас они послали отряд всадников в две тысячи человек в безукоризненном боевом порядке. Римляне же, уступая им в численности и как бы удовлетворенные совершившимся, поспешно отступили и оказались в безопасности в укреплении, из которого вышли, гордясь славным деянием и скорбя только о Максенции, так как он был весьма тяжело ранен каким-то варваром, скрывшимся в лесу. Положенный на носилки, он был спасен сверх ожидания. Тотчас же после ранения спутники, подняв его, быстро унесли оттуда, прежде чем враги нагрянули массой. Когда же те явились и напали, тогда римляне убежали по какому-то другому пути, увлекая за собой преследователей, и дали [другим римлянам] возможность, хотя с трудом, доставить его до укрепления.

15. Между тем Юстин, сын Германа, послал одного из своих таксиархов, гунна по происхождению, по имени Эльминзура из Острова в Родополь с двумя тысячами всадников. Этот Родополь был городком колхов, а в то время занят был персами. Взят он был гораздо раньше Мермероем, который поместил в нем персидский гарнизон. Я обхожу молчанием, каким образом это произошло, так как это ясно описано Прокопием. Когда Эльминзур туда явился, ему помогла счастливая судьба. Персидский гарнизон в то время случайно находился вне города; большинство же жителей рассыпалось по разным местам. Войдя в него без всякого труда и подчинив город своей власти, он произвел разведку окружающей местности и истребил до одного всех встретившихся персидских солдат. Что же касается местных уроженцев и обывателей, то, так как он знал, что они скорее благодаря внешнему давлению, чем по собственному вероломству перешли на сторону персов, то он позволил им жить в отечественном городе, ради большей гарантии взяв заложников, и урегулировал там все должным образом. Так, Родополь был возвращен в прежнее состояние, вернулся к отечественным правам и подчинился римскому императору. Этим летом не произошло больше ничего, достойного упоминания. Когда наступила зима, персы, тотчас же снявшись с лагерей, отступили снова в Котаисий и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам. Ибо отечественными установлениями и нравами у них не допускается предпринимать зимой продолжительные и трудные заграничные военные походы. Римляне же, освободившись от преграждающих путь

персов, продолжали свой поход в сторону мисимиян. Когда они дошли до так называемого укрепления Тибелия, отделяющего страну мисимиян от апсильцев, прибыл Мартин, чтобы принять команду и руководить всем войском. Но некая приключившаяся с ним там тяжелая болезнь помешала осуществлению его намерения. Поэтому он остался там, чтобы немного позднее возвратиться в страну колхов и в ее крепости. Войско же тем временем продолжало продвигаться вперед, руководимое прежними командирами. Прежде всего оно решило еще раз испытать настроение мисимиян, не возвратятся ли они добровольно к более благоразумным намерениям, признав своих прежних правителей, не раскаются ли они в совершенных ими преступлениях, сдавшись римлянам без боя и возвратив все деньги, похищенные у Сотериха. Итак, отобрав, насколько это было возможно, самых разумных людей из апсильцев, [римские начальники] посылают их в качестве послов. Мисимияне же были далеки от того, чтобы отказаться от своего упорства и новыми деяниями загладить безрассудство старых. Мало того, эти преступные люди, обремененные злодеяниями, находящиеся во власти злого демона, заслуживающие всякого бранного наименования, которое им могло присвоить справедливое негодование, отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они и не знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский без всякого упрека совет, могущий принести им выгоду.

16. Итак, начав по своему безумию с нечестивых дел, они продолжали упорствовать в прежних и даже еще более нечестивых преступлениях. Хотя они знали, что персы ушли и не придут, как было условлено, на помощь, но, полагаясь на трудно проходимые места и надеясь, что римляне их никогда не перейдут и не преодолеют, совершили еще более жестокие преступления. Есть в этой стране гора, привлекающая внимание, не слишком высокая и возвышающаяся не намного над местностью, но чрезвычайно крутая, перпендикулярно поднимающаяся вверх, со скалами, обрывающимися во все стороны. Посредине была тесная, плохо протоптанная дорога, трудно доступная даже для одного бесстрашного человека, так что если бы один человек, стоящий на вершине горы, препятствовал проходу, то враги, даже весьма многочисленные, легко вооруженные и такие же ловкие, как исавры, никогда не смогли бы пройти. Полагаясь на эту местность, они пришли к крайнему безумию. Римляне, когда им стало известно об ужасном злодеянии мисимиян, были охвачены бешеным негодованием. Когда варвары медлили и на горе не была еще установлена охрана, римляне, предупредив их, заняли вершину и, овладев ею без всякого сопротивления, рассыпались немедленно по более плоской и доступной для лошадей местности. Мисимияне же, лишившись этой надежды, тотчас сожгли многие ненужные им укрепления, так как не в состоянии были защищать их и все собрались в одном, которое казалось им наиболее укрепленным. С древних времен оно называется Тцахар; называют его железным за его неприступность и кре-

пость. На маленькую кучку римлян и не больше чем сорок всадников, собравшихся вместе (они, однако, были не из рядовых, но отборные и принадлежали к начальникам), когда они продвигались вперед отдельно от остального войска, напало шестьсот мисимиян пеших и конных, полагая, что, окружив их, легко перебьют благодаря своей численности. Но те, имея опыт в военном деле и быстро заняв какой-то холм, показали доблестные дела. Завязался ожесточенный бой, шедший с переменным успехом. Они пытались окружить римлян. Римляне же то бросались на них сомкнутым строем, чтобы прорвать и привести в расстройство весь варварский строй, то отступали и возвращались в безопасное место. Между тем остальные римские войска внезапно показались на одной возвышающейся над местностью горе. Варвары, подозревая засаду и хитрость, тотчас обратились в поспешное бегство. Римское же войско (ибо все перемешались между собою) ожесточенно преследовало врагов, пока не истребило их множество, так что из всего количества врагов только восемьдесят человек остались невредимыми в этом железном укреплении. Я не сомневаюсь, что если бы римляне одним дружным натиском напали на это укрепление, то враги, потрясенные только что понесенным поражением, могли бы быть взяты с первого приступа и в тот же день война была бы закончена. Но так как римляне лишены были надлежащего вождя, который обладал бы властью и благоразумием, но были все между собою почти равны и, взаимно упрекая друг друга, отдавали противоречивые приказания, и каждый слушал только самого себя, то действия их остались незаконченными и не заслуживали одобрения. Так как они приходили к разным решениям и предлагали один одно, другой другое, то не делалось ничего из того, что они затевали. Каждый, негодуя, что его мнение не принято, приступал к делу небрежнее и нерадивее и больше радовался неудачному исходу, чтобы в дальнейшем хвалиться и говорить своим, что он не может указать никакой другой причины неудачи, кроме той, что не последовали его личному мнению.

17. Находясь в таком состоянии, они разбили лагерь дальше от врага, чем полагалось при осаде. Затем выступили около рассвета, не произвели должной разведки, но, охваченные косностью и медлительностью, считали безделицей серьезные и весьма благоприятные обстоятельства. Позже, чем подобало, произвели нападение на врагов; раньше, чем следовало, вернулись обратно. Узнав об этом Мартин немедленно послал к ним в качестве вождя и руководителя каппадокийца по происхождению, уже давно почтенного полководческим достоинством, имя которого было Иоанн, а прозвище ему дали Дакик. Он прислан был к колхам немного раньше императором, имел полномочия Рустика, а именно обо всем происходящем тщательно осведомлять его, а отличившихся воинов награждать императорскими дарами. Итак, этот Иоанн, придя в страну мисимиян и став во главе римского войска, тотчас расставил всех вокруг укрепления и начал осаду, одновременно производя нападение на оставшихся вне и стремясь расстроить все их дела. Большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвы-

чайно трудным всякий доступ к нему и проход для всех незнакомых с местностью чужестранцев. Местные же жители, знавшие местность, с трудом спускались вниз по одной чрезвычайно узкой и скрытой тропинке в случае необходимости и снова взбиралась наверх. У подножия горы на влажном и плоском месте били ключом источники с питьевой водой. Там, спускаясь ночью (так как римляне за ними наблюдали и частично мешали), варвары черпали воду. Один исавр, по имени Илл, поставленный здесь на карауле, когда увидел множество мисимиян, поздно ночью спускающихся сюда [к источнику], не мешал этому, будучи скрытым и соблюдая тишину. Когда же они, наполнив сосуды водой, возвращались обратно, исавр тайно последовал за ними, одновременно с ними поднимался, пока не взошел на вершину и внимательно не рассмотрел местность, насколько мог это сделать в темноте, и установил, что не больше восьми человек было поставлено для караула и защиты прохода. Выяснив все это, он тотчас спустился вниз и все доложил полководцу. Тот был весьма обрадован известием, и ближайшей ночью отобрал сто храбрых и ловких воинов и послал их к подъему разведать местность и произвести нападение, когда это позволит обстановка. Он приказал им, когда прочно закрепятся на вершине, подать знак трубой, чтобы и остальное войско произвело нападение на стены и враги со всех сторон были приведены в замешательство.

18. Илл, идя впереди, повел людей к подъему, уже им разведанному. За ним следовал Зипер, дорифор Маркеллина, за ним Леонтий, сын Дабрагеца, а за ним Феодор, таксисарх каннов, а за ним по порядку следовали все остальные. Когда уже прошли половину пути, те, кто шли впереди, ясно заметили зажженный стражами огонь и что они лежат весьма близко к нему. Семь из них, очевидно, спали и лежали, растянувшись. Только один, облокотившись на руку, был похож на бодрствующего, но и он уже боролся со сном, опустив отяжелевшую голову. Однако было неизвестно, как дело пойдет дальше, так как он часто качал головой и снова ее поднимал. В это время Леонтий, сын Дабрагеца, поскользнулся в какой-то луже, упал и покатился вниз, сломав щит. Естественно, раздался сильный звук. Испуганные стражи пробудились и, сидя на своих ложах, обнажили мечи, поворачивали головы в разные стороны, но не могли понять, что произошло. Так как блеск огня ослеплял их глаза, то они не могли рассмотреть стоящих во мраке, и стук, происшедший во время их сна, не был вполне ясен и различим, как такой, какой мог быть произведен только полкомкой оружия. Римляне же тщательно все наблюдали. Задержав шаг, они оставались спокойными и молчаливыми, как будто корнями вросли в землю; не было слышно никакого звука; ноги оставались неподвижными так, как они были поставлены, и застыли на остром камне или прижимая куст. Если бы дело не обстояло таким образом, какое-то сознание того, что делалось, дошло бы до стражей и они, конечно, сбросили бы какой-нибудь огромный камень, который, падая вниз, легко сокрушил бы всех, пытавшихся подняться. Поэтому римляне стояли молча и неподвижно, так что не слышно было даже их дыхания, зарождавшегося в груди. И, разумеется, я удивляюсь им и хвалю их образ-

цовый порядок, то, что они моментально, как будто по уговору понимая то, чего требовала обстановка, застыли в образцовом порядке, мысленно сообразив то, что время не позволило высказать. Варвары же, не заметив ничего угрожающего и опасного, снова возвратились к тому, что им было желательно, и сладко заснули.

19. Тогда римляне, напав на них, объятых сном, изрубили как других, так и этого полубодрящего, как его кто-то назвал в шутку, и затем, неустрашимо продвигаясь вперед, рассыпались по улицам. Одновременно труба возвестила начало битвы. Услышав это, мисимияне были поражены и неожиданностью и познанием обстановки. Вскочив с постелей, они пытались собраться и соединиться, выскакивая из разных жилищ. Но римляне, встречая их при выходе и принимая их, так сказать, мечами, произвели страшное избиение. Одни, уже выскочившие, немедленно умерщвлялись, а за ними другие, третьи, так что не было никакого перерыва в избиении, производимом в общей свалке. Многие женщины, вскочив с постелей, с громким плачем высыпали на улицу. Но охваченные гневом римляне не пощадили и их. И они, жесточайшим образом изрубленные, явились искупительной жертвой за преступное бесстыдство своих мужей. Одна красивая женщина выскочила с зажженным факелом в руках и была хорошо видима, но и она, пронзенная копьем в живот, погибла самым жалким образом. Из римлян же кто-то, схватив факел, бросил огонь в жилище. Жилища, построенные из дерева и соломы, быстро воспламенились. Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем народу апсилийцев и другим, более отдаленным. Тогда, конечно, варвары стали погибать еще более страшным способом. Те, кто оставались дома, сжигались вместе с домами или их давили обрушившиеся постройки. Над теми же, которые выскакивали из домов, нависала еще более верная смерть от мечей. Было захвачено много блуждающих детей ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копья и пронзались ими в воздухе. И, конечно, римляне не без основания проявили величайшее озлобление против мисимиян как за убийство Сотериха, так и за преступное злодейство по отношению к послам, но, разумеется, не следовало по отношению к детям, которые отнюдь не являлись участниками злодейств их отцов, свирепствовать так жестоко. И этот проступок не прошел безнаказанно.

20. Вся ночь была проведена в этих ужасных делах. Когда уже все это место было разорено, пятьсот хорошо вооруженных мисимиян, выйдя из укрепления, на рассвете напали на римлян, которые даже не выставили караулов, так как считали, что одержали полную победу. Поэтому весьма многих из них убили, прочих же обратили в бегство, быстро выгнав их из поселения. Те беспорядочно бросились вниз, возвратились в лагерь с многочисленными и разнообразными ранами от неприятельского оружия и от сильных ушибов ног от частых падений на камни. Поэтому у них не было больше духа карабкаться на эту скалу, но предпочтительнее казался штурм стены в той части, где нападение было наи-

более удобно, а ров засыпан. Сообразно этому построив несколько домиков и хижин как можно ближе к стене, они безопасно штурмовали ее, пользуясь одинаково и осадными орудиями, и метанием копий, и другими подобными способами, делая положение тех, кто был внутри, чрезвычайно тяжелым и даже невыносимым. Варвары от этого тяжело страдали, были весьма сильно теснимы, но не переставали защищаться. Некоторые из них, пользуясь черепахами, пытались наступать на римские сооружения, чтобы их разрушить. Но прежде чем они приблизились и должным образом прикрылись, некий Сваруна по имени, славянин по происхождению, метнул копье в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же черепаха дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили, поражая копьями. Один из них, однако, спасся бегством и уже приблизился к укреплению, входил в ворота, но тут погиб, пораженный многими стрелами и, рухнув там, остался лежать на пороге ворот, растянувшись меньшей частью тела вне укрепления, а большей внутри. Мисимияне заметили это и истолковали, как неблагоприятное и печальное предзнаменование относительно будущего. Вообще они уже изнемогали от тягостей и желали вернуться к дружбе с римлянами, в особенности потому, что к ним не пришла, как было условлено, помощь от персов. Учитывая все это, взвешивая свои силы и то, что они не равны римским, понимая, что они не могут больше выдерживать войну, теперь только и с большим трудом они вернулись к более разумным мыслям, немедленно послали послов к Иоанну и просили не губить их поголовно, не уничтожать совершенно народ, уже с древних времен подчиненный римлянам, одной с ними религии, который, раздраженный многими несправедливостями, пытался им противодействовать, но делал это с варварским безумием. Они говорили, что все же они заслуживают сострадания и прощения, понеся столь тяжелое наказание и потерпев столь жестокие бедствия, как, например, сожжение всех окружающих укреплению построек, гибель не менее пяти тысяч мужчин цветущего возраста, и гораздо большего числа женщин и еще большего количества детей, так что немного не достает, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен. Иоанн весьма охотно принял их просьбу, отчасти, чтобы не оставаться дольше с войском в пустынном месте и чрезвычайно холодном, а отчасти потому, что совершившие преступление действительно понесли достойное наказание. Итак, он получил заложников и все деньги, которые Сотерих принес с собой, все остальное его имущество и самое главное - императорское золото (было полновесной и неподдельной монетой двадцать восемь тысяч восемьсот номисм).[62] Получив, повторяю, все это, прибавив к этому большую добычу, он разрешил им снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни, а сам возвратился в страну колхов, возвратилось и прославившееся своей храбростью войско, потеряв только тридцать человек.

21. После этого император Юстиниан совершенно отстранил Мартина от власти и назначил на его место Юстина, сына Германа, который начальствовал над всеми вой-

сками в Колхиде и Армении с полной и абсолютной властью. Тому раньше было не очень приятно, что Мартин занимает первое место и повелевает всеми, действительно принимая немалое участие в интриге, веденной против Губаза. Но он держал все это про себя и скрывал до времени, полагая, что нельзя колебать или менять командование при такой запутанной военной ситуации, в особенности учитывая ту популярность, какой пользовался Мартин в войске как за опытность в военном деле, так и за умение правильно руководить отдельными операциями. Конечно, это обстоятельство и было, как я думаю, для того спасением, ибо иначе ему нужно было умереть вместе с Иоанном и Рустиком. Теперь же, из уважения к его победам и благоразумию, которое он проявлял в минуты опасности, [император], убавляя незаметно и смягчая чрезвычайную суровость и строгость законов, простил ему его преступление, но не позволил ему больше стоять у власти, а приказал жить частным человеком, считая достаточным наказать его атимией, даже если он и явился участником такого преступления. Итак поскольку персы сохраняли спокойствие, и положение дел напоминало перемирие, то он его снял с должности, а Юстину, связанному с ним близким родством и вообще человеку большого авторитета в то время, он передал власть, вызвав его в Византию, и снова отослал к колхам уладить там последовательно все дела.

В его свите был некто Иоанн по имени, африканец по происхождению, вначале человек незаметный и бедный, так что ради получения средств к жизни должен был даже служить за плату, сопровождать оруженосцев и переносить тяготы положения слуги, но немного спустя он достиг большого богатства и стал заносчивым. Изобретая разные машины, имея успех в разных выдумках, он стал известен незадолго до этого Юстину, - этот наихудший коварнейший человек, который ради выгоды не отказывался ни от какого позорного и бесчестного предприятия. Теперь он просил у полководца определенную сумму денег, обещая по получении ее предоставить и ему самому, давшему эти деньги, в какое угодно время предметы продовольствия на выгодных условиях, затем всем его наличным слугам, рабам, свите, переводчикам, оруженосцам - снабдить их всех необходимым продовольствием. Он обещал, сделав это, не только сохранить все деньги и возратить столько же, сколько взял как взятые займы, но и прибавить известную сумму в качестве процентов. И, конечно, это казалось многим пустой похвалой, граничащей с загадкой. Юстин же, которому подобало бы возмутиться этими нелепыми предложениями африканца, так как он должен был понимать, что тот не сможет выполнить обещаний, не делая несправедливостей и насилий, не погубив разными противозаконными сделками всех, с кем ему придется иметь дело, все же принял предложение, выдал деньги и позволил ему делать что хочет для выполнения этих условий.

22. Тогда Иоанн, объезжая римские деревни, какие были на дороге, созывал жителей там, где не хватало быков, и заявлял, что войско нуждается в них. Показывая двадцать талантов, он говорил: «На эту сумму вам нужно доставить

быков, отнюдь не на меньшую. Получите их, а мне как можно скорее доставьте быков». Они же просили его об освобождении от этого и клялись, что имеющихся у них быков нехватает даже для обработки собственных полей. Однако этот негодяй, сурово отказывал им в этом и угрожал строгими карами, если у полководца не будет возможности купить необходимые средства передвижения, и, притворно негодую, он так представлял дело, что те, продав самое ценное свое имущество и собрав столько денег, сколько могли, откупались от требований этого негодяя. Убравшись отсюда и появившись там, где даже не слышали названия верблюдов и мулов, он кричал, что прибыл для их покупки, и, пользуясь тем же способом, предъявлял деньги и уходил, получив отступное. Так, обходя повсеместно и ища того, чего не было, ничего не продав, ничего не купив, не заключив никакой сделки, он собирал деньги и взыскивал с тех, кому ничего не давал взамен, и благодаря этому очень скоро основная сумма налогового бремени удваивалась у налогоплательщиков. Когда он явился в страну колхов, он и там проделал то же самое. Сверх того, добыв, не знаю каким способом, грузовые суда, собрав всевозможными насилиями местные продукты, скупив многое за бесценок, он отправил все это и распродал в других местах. Естественно, что войско нуждалось в самом необходимом, так что даже зелень покупалась. Этот же преступный спекулянт и перекупщик получил громадные прибыли. Из этих прибылей он возвратил с процентами Юстину взятые у него деньги и доставил ему в то же время продовольствие. Юстин, хотя и знал, что делалось, обращал мало внимания на плач и слезы ограбленных людей несмотря на то, что они постоянно приходили к нему, бросались к его ногам и заклинали избавить их от вымогательств. Так недостойным образом извлекал он выгоды из несправедливости и радовался этому, пользовался непокупным продовольствием и притом делал более увесистым свой кошелек. Со временем он должен был получить за это тяжелое возмездие. Хотя он вынес после этого бесчисленные тяготы и добился величайшей славы отражением варваров на реке Дунае, но нисколько не смягчен и не покрыт был этим божественный гнев. Как полагаю, он оставался прочным, крепко запечатленным в памяти, хранимым до благоприятного момента. Не тотчас обычно ниспосылается наказание, как только мы согрешали, но большей частью спустя некоторое время, когда, быть может, мы уже забыли свой проступок, и потому скорбим о бедствиях, нас постигших, как будто мы страдаем от них безвинно и несправедливо и обвиняем зависть и вражду людей, как потерпевшие от них неза заслуженное. Бог же, в чьих руках и под чьей властью мы находимся, знает, что надлежит и подобает каждому, и тем способом, какой ему угоден, преследует и отмщает за грехи, которые были совершены много раньше.

Впрочем то, что позднее случилось с Юстином, неожиданный конец его жизни и его счастья - все это будет мною рассказано подробно по порядку, когда рассказ, в соответствии с установленным планом, освещая непрерывную цепь событий, дойдет до того времени. Теперь же мне нужно возвратиться к предмету [повествования] и изложить непосредственно следующие события.

23. Когда в Лазике дела обстояли таким образом, и Юстин управлял всем войском, ни персы не собирались возобновлять войну, ни римляне не наступали, но обе стороны принимали меры предосторожности и взаимно, насколько это было возможно, изучали и разведывали планы противника. Никто не начинал военных действий, и обе стороны оставались неподвижными, как будто это было решено по взаимному уговору. Хосров же, персидский царь, как только узнал, что случилось у Фазиса, именно, что Нахогаран бежал с поля битвы, тотчас отозвал его из Иверии и предал по отечественным законам жесточайшей казни, ибо он считал недостаточным наказанием за трусость просто умертвить его, но, надрезав с шеи кожу, ободрал ее всю до обеих ног, отделил от тела, перевернутую внутрь, так что могла быть видны даже формы членов, и надутую слегка наподобие кожного меха, он приказал повесить на скале, [устроив таким образом] жалкое и чудовищное зрелище. Впервые, полагаю, на это осмелился известный Сапор, царствовавший над персами гораздо раньше Хосрова. Болтают о Марсии-фригийце, как у него произошло состязание с Аполлоном из-за флейты и искусства игры на флейте, что Марсий был совершенно побежден, и вполне справедливо, что тот, кто осмелился, чтобы не сказать слишком глупо, состязаться с собственным богом в игре на флейте, потерпел от победителя такое наказание за свое безрассудство: с него была содрана вся кожа, и он был повешен на дереве. Но все это рассказы, сказки и забавы поэтов, не имеющие в себе ничего истинного и правдоподобного. Если, как говорят, Аполлон сделался игроком на флейте и, состязаясь в искусстве, дошел до такого гнева после победы, что придумал бесчеловечное и безумное наказание побежденному, то каким образом ему могло служить утешением висящее на дереве свидетельство его жестокости! Об этом поют старые поэты и новые подпевают, заимствовав от них. Среди них и Нонн, уроженец египетского Пана, в одной из своих поэм, которые называются Дионисиевы, сказав немного об Аполлоне (не припомню предшествующих слов), затем продолжает: «[Он] повесил на дерево раздутую ветром кожу побежденного Марсия, желающего состязаться с богами». Итак, с того времени позорное преступление это никогда не было известно человеческому роду. Об этом свидетельствуют очевидные доказательства, достаточные для тех, кто привык правильно наблюдать и изучать древнейшие события, а не увлекаться поэтическими сказками и вымыслами. Сапор же был весьма несправедлив и кровожаден и скор на гнев и жестокость. Было ли им совершено по отношению к другим такое жестокое деяние - не могу утверждать, что же касается того, что он подверг этой каре Валериана, римского императора, в то время воевавшего против него и затем побежденного и взятого в плен, - это удостоверяют многие исторические сочинения.[63] И действительно, первые из тех, кто по уничтожении парфян получили персидское царство, Артаксар, как я говорю, и Сапор были оба преступнейшими и несправедливейшими; первый из них, убивший своего господина, завладел царством силой и тиранией, второй же явился изобретателем такого жестокого наказания и нечестивого преступления.

24. Когда мой рассказ, всегда отвлекаемый в сторону разными событиями, снова вернулся к Артаксару, своевременно теперь выполнить ранее обещанное и вспомнить о последующих царях. Что касается его, то откуда был родом, как и каким образом он надел кидар, об этом мной уже рассказано подробно. Прибавлю только одно то, что Артаксар указанным выше способом овладел персидским царством спустя 530 лет после великого Александра Македонского, в четвертый год царствования другого Александра, сына Маммеи, и владел им в течение пятнадцати лет без двух месяцев. Ему во власти наследовал этот проклятый Сапор и пережил его [Александра] на полных тридцать один год, причинив римлянам величайшие бедствия. Умертвив их царя и считая, что у него уже нет никаких препятствий, он продвинулся дальше и опустошил Месопотамию и затем, вторгшись в соседние области, ограбил киликийцев и сирийцев и, дойдя вплоть до Каппадокии, совершил безмерное количество убийств, так что впадины и пропасти, ущелья в горах заполнял трупами убитых и отстоящие друг от друга и возвышающиеся друг над другом холмы уравнивал так, что мог проводить конницу по трупам, а хребты гор переходил как равнину. Когда он возвращался домой, злоупотребляя безбожно приобретенным и превозносясь великой гордыней, его заносчивость немного спустя усмирил известный Оденат, пальмирец, муж не именитый и неизвестный вначале, а потом достигший высшей славы поражениями, нанесенными Сапору, деяниями, учиненными над ним, и сделавшийся знаменитым, [как сказано] у многих из древних историков. Когда же Сапор умер, его сын Гормисдат получил царство, но пережил его на очень незначительное время. Ибо пользовался счастьем один год и десять дней, не совершив ничего, достойного памяти, так же как и его преемник Вараран, царствовавший в течение 3-х лет.

Сын его был одинакового имени с родителем, но оставался у власти в течение семнадцати лет. Третий же Вараран только в течение четырех месяцев пользовался царской властью. Он был назван Сегенсаа не случайно, думаю, и не по безрассудству, но унаследовав это имя по древнему местному обычаю. Ибо, когда персидские цари, победив какой-нибудь крупнейший соседний народ, займут его страну, то побежденных отнюдь не убивают, но налагают на них дань и позволяют тем заселять в обрабатывать поля захваченной (персами) страны. Только главных вождей [побежденного народа] уничтожают беспощадно, а своим детям дают название [завоеванного] княжества ради запоминания, что кажется самым правдоподобным, и ради лучшего прославления события трофеями. Так как племя сегестанов было покорено Варараном, его отцом, то по справедливости его сын был назван Сегенсаа. На языке греков это обозначает царь сегестанов.

25. Когда он скоропостижно умер, то царскую власть сразу за ним получил Карасе и держал ее в течение семи лет пяти месяцев. Ему наследовал сын Гормисдат, не только наследник отцовского царства, но сходный и по продолжительности [царствования]. Каждый может по справедливости удивляться, что у того и другого точнейшим образом совпа-

дало количество лет и месяцев [царствования]. После них Сапор на весьма долгое время овладел царской властью. Он царствовал столько лет, сколько и жил. Когда мать его еще носила во чреве, закон наследования царского рода призывал к власти то, что еще должно было родиться. Не знали только, кто будет наследник - мальчик или девочка. Итак, первые люди государства предложили магам награды и дары за предсказание. Они вывели на середину кобылицу, уже близкую к родам, и потребовали, чтобы маги прежде всего предсказали относительно нее, что будет рождено от нее. Полагая, что немного дней спустя узнают, к чему приведет их предсказание, они рассчитывали, что подобный же исход будет и с тем, что они предскажут о человеке.

Я не могу точно ответить, что ими было предсказано относительно кобылы. Ничего мне не известно, кроме того, что все случилось так, как ими было сказано. Когда на этом все убедились, что маги прекрасно изучили искусство предсказания, то потребовали, чтобы они предсказали, что произойдет с женщиной. Когда же те ответили, что родится мужское потомство, то нисколько далее не медлили, но положили кидар на чрево, провозгласили зародыш царем, дали имя зародышу, уже настолько выросшему, как полагаю, что он внутри двигался и трепетал. Итак, то, что природа сделала темным и неясным, то они своей надеждой и ожиданием сделали известным и несомненным и не ошиблись в своей надежде. Она осуществилась даже в большем размере, чем ожидали. Немного спустя родился и Сапор, начавший сразу царствовать. В этом состоянии он вырос и состарился, причем прожил до семидесяти лет. Во 2-й Год его правления оказался во власти персов город Низибис, бывший в древности под властью римлян, а Иовиан, их император, его продал и предал. Когда Юлиан, бывший раньше римским императором, внезапно погиб во внутренних областях персидской державы, то [Иовиан] был провозглашен императором военачальниками, войском и прочим народом. Он только что получив власть внутри вражеской страны, когда дела, естественно, находились в запутанном состоянии, оказался не в состоянии устроить все постепенно и должным образом. Утомленный пребыванием в чужой, враждебной стране, желая как можно скорее возвратиться в свою страну, он заключил постыдный и позорный договор с врагом, который и до сего дня римское государство ощущает как большое бедствие. Он сократил государство в его новых пределах и лишил прежней обширности. То, что произошло в то время, увековечили многие из старых историков. У меня же нет времени останавливаться на этом: нужно продолжать начатое.

26. После [смерти] Сапора Артаксар, его брат, завладевает царской властью, пережил его на четыре года. Сын же его, также называвшийся Сапором, процарствовал всего пять лет. В два раза больше и сверх того год царствовал его сын Вараран, называвшийся также Кермасаа. Причина же этих названий мною выше указана. Керма, - должно быть, название страны или народа, покоренного отцом Варарана. Естественно, сын получает и название, как раньше у римлян один [император], например, назывался африканским, дру-

гой германским, третий по имени другого какого-нибудь побежденного народа.

После них получает верховную власть у персов Исдигерд, сын Сапора, популярный и хорошо известный у римлян. Говорят, что император Аркадий, находясь при смерти и, как свойственно людям, делая накануне смерти распоряжение о своих делах, назначил его хранителем и попечителем ребенка Феодосия и всего Римского государства. Это известие передается из древности потомкам главным образом устным путем и до настоящего времени популярно и у людей ученых и у народа. В письменном же виде я его не нахожу ни в книгах историков, ни у тех, в частности, кто писал о смерти Аркадия, за исключением Пронация ратора, и в этом, я думаю, нет ничего удивительного, так как он был весьма учен и, так сказать, перерыв всю историю, очевидно, нашел и это известие, записанное когда-то другим. Я же его нигде не мог найти, зная очень немного, о если бы я знал даже немного! Но в особенности считаю достойным удивления, что, говоря об этом, он не просто рассказывает, какое решение было принято, но хвалит Аркадия и превозносит, как принявшего наилучшее решение, ибо говорит, что он в других делах не привык быть осмотрительным, а в одном этом деле показал себя и мудрым и благоразумнейшим. Мне же кажется, что тот, кто восхищается этим, судит о его правильности по исходу дела, а не по смыслу. Ибо каким образом можно говорить о благоразумии и правильности поступка - передать драгоценнейшее свое достояние человеку чужеземному и варвару, царю враждебнейшего народа, о котором не было достаточно известно, почитает ли он верность и справедливость, и который, сверх того. [принадлежит к] чуждой и ошибочной вере.

Если же тот не совершил никакого проступка по отношению к вверенному ему ребенку, а, наоборот, его государство даже тогда, когда он кормился грудью, весьма надежно прикрывалось, защищалось и охранялось попечителем, то за это скорее нужно хвалить его благородство, чем поступок Аркадия. Но об этом пусть каждый судит, как ему заблагорассудится. Исдигерд же в течение двадцати одного года своего правления никогда не предпринимал войны против римлян, не совершил никакого другого неприязненного действия и навсегда остался благожелательным и миролюбивым; [неизвестно], произошло ли это случайно или действительно из уважения к общечеловеческим нормам и к опекаемому.

27. Когда он умер, Вараран, сын, став у власти, выступил против римлян, но так как полководцы, бывшие на границах, приняли его дружественно и кротко, то он тотчас отступил, не начав войны с пограничными жителями и не причинив никакого вреда их полям. После двадцатилетнего царствования он передал власть Исдигерду, одному из своих сыновей, который правил семнадцать лет и четыре месяца. После него был объявлен царем Пероз, муж безрассудно смелый и воинственный и к тому же тогда исполненный горделивыми мыслями. Суждениями осмотрительными и осторожными он отнюдь не обладал, но больше было в нем заносчивости, чем благоразумия. Он погиб в походе против

эфталитов не столько, полагаю, вследствие силы врагов, сколько вследствие собственного безрассудства. Когда ему подобало осторожно продвигаться по неприятельской стране, предвидя скрытые засады и заранее остерегаясь их, он, пренебрегая этим, быстро попал в засаду, в ямы и рвы, которые были вырыты на равнине на огромном пространстве и предназначены для засады, и бесславно окончил свою жизнь на двадцать четвертом году царствования, побежденный гуннами (ибо эфталиты - гуннское племя).

Пришедший к власти его брат Валас не совершил в войнах и сражениях ничего достойного упоминания, не только потому, что он был кроток и мягок нравом и не очень приспособлен для насильственных нападений и организации враждебных действий, но также и потому, что пережил его на короткое время. Его царствование продолжалось только четыре года. После него Кавад, сын Пероза, завладев властью у персов, провел много войн против римлян, получил много трофеев [в войнах] против соседних варваров, проводя все свое время в тревогах и опасностях. По отношению к подданным он был суров и несговорчив, весьма склонен к ниспровержению установленного, к изменению образа жизни и ниспровержению старых обычаев, говорят, что им был издан закон, по которому устанавливалась общность жен для мужчин, не по идеям, как полагаю, Сократа и Платона и не по задуманному ими общественному идеалу, но чтобы каждому было позволено иметь дело с какой захочет и пользоваться ее благосклонностью, даже если она обвенчана и вышла замуж за другого.

28. Итак, он часто в этом беззаконно погрешал: естественно, сатрапы открыто негодовали и считали этот позор нетерпимым. Это обстоятельство явилось причиной заговора и лишения его власти. Организовав заговор и восстав поголовно, они лишили его царской власти на одиннадцатом году правления и бросили в крепость забвения, а царскую власть передали Замасфу, который также был сыном Пероза и пользовался репутацией кротости и справедливости. Поэтому они решили, что все у них хорошо устроено и что в дальнейшем в общественной и частной жизни они будут жить легко и удобно. Но Кавад немного спустя убежал или, как говорит Прокопий, вследствие хитрости, примененной женой, предпочитавшей самой умереть вместо него, или использовав другой способ; так или иначе, он вырвался из тюрьмы и убежал к эфталитам в качестве просителя их царя. Тот, взвесив мысленно различные внезапные превратности судьбы, принял его весьма благосклонно, не переставал его утешать, устраняя подавленность духа прежде всего ласковыми словами, соответствующим убеждением направляя его мысль к лучшему, к этому добавляя роскошную трапезу, часто провозглашая здравицу в честь его, одаря роскошными одеждами и выполняя все обязанности гостеприимства. Немного спустя даже дочь его вышла замуж за гостя. Дав ему войско, достаточное для похода, отослал к своим, чтобы он восстановил прежнее свое благополучие, уничтожив противников. Людские дела обычно расстраиваются происшествиями, противными задуманным планам. Нечто подобное случилось и теперь. Участь Кавада колебалась между раз-

личными, самыми противоположными крайностями и притом в достаточно короткий промежуток времени. Ибо из царя он сделался сначала подсудимым узником, а когда ускользнул из темницы - беглецом и просителем, из просителя же и чужестранца - зятем царя и его интимнейшим другом. Скоро, вернувшись к отечественным обычаям, он возвратил [себе] верховную власть без труда и опасностей, как бы никем не занятую и переходящую по наследству, как бы никогда ее не лишаясь. Ибо Замасф добровольно оставил царский трон и предпочел оставить верховную власть, пользуясь ею в течение четырех лет, отказаться от роскоши и честолюбия, предпочитая власти частную жизнь, соединенную с безопасностью, и, таким образом, предупредил неизбежность [добровольным решением]. Кавад же, сделавшись могущественнее прежнего, был верховным властителем еще 30 лет сверх одиннадцати, так что он правил, облеченный царской властью, в течение сорока одного года.

29. Все, что с ним случилось в первый и последующий периоды его царствования, обстоятельно изложено в исторических трудах древними учеными. А то, что пропущено древними, а я считаю достойным знания и упоминания, хорошо будет добавить. Каждый может удивляться, что в это время у римлян и персов происходило нечто одинаковое, как будто бы случайно в каждом из государств неблагоприятный поворот судьбы поразил государя. Очень незадолго до этого и Зинов Исавриец, римский император, называемый раньше Тарасикодиссой, вследствие заговора, организовавшего против него Иллоном, Василиском и Кононом, а в особенности благодаря поддержке его Вериной, был лишен власти, изгнан и с трудом спасся в Исаврии. Но затем снова возвратился на царский трон, умертвив Василиска, который был тираном не более двух лет. Отняв у него знаки царского достоинства, снова возвратил императорскую власть и, управляя всем не очень долгое время в этом [достоинстве], покинул жизнь. В то же самое время Непот, император Запада, был поражен подобными и еще большими несчастьями, ибо, обманутый Орестом, он бежал из Италии, сбросив пурпур, никогда его уже не надевал и погиб, живя частным лицом. Так неожиданные перемены постигали в то время могущественнейших властителей. Пусть причины этого вскроют те, кто привык исследовать скрытые начала неизвестного, и пусть скажут, что желают. Мне же нужно возвратиться туда, откуда я начал. Когда умер Кавад, в пятый год царствования Юстиниана, пресловутый Хосров, который пользуется у нас величайшей известностью, получил отцовскую власть и совершил многие великие дела; некоторые из них описаны Прокопием; об остальных я частично уже говорил. А чтобы непрерывная последовательность времени соблюдалась точнейшим образом, я скажу сейчас только то, что в сорок восемь лет своего правления он прославился многими победами и показал себя таким, каким не был никто из бывших раньше царей, если сравнить его с ними, даже если вспомнить о Кире, сыне Камбиза, или Дарий Гистаспе, или о том Ксерксе, который сделал море проходным для лошадей, а горы - для кораблей. Однако каким бы он ни был, конец его жизни был бесславным и жалким и конец его жизни совершенно не походил на прежние его

деяния. В то время он находился около гор Кардухов и перешел в селение Таману по причине жаркого времени и тамошнего умеренного климата. Маврикий же, сын Павла, назначенный Тиверием Константином, римским императором, главнокомандующим восточными войсками, внезапно вторгся в Арахианскую землю, бывшую соседней и пограничной с данным селением, и непрерывно все опустошал и грабил. Перейдя же течение реки Сирмы, продвинулся еще дальше и все встречающееся разграблял и сжигал. Итак, когда Маврикий все до основания ниспровергал и опустошал, Хосров (он находился недалеко и настолько недалеко, что мог видеть поднимавшееся пламя) не вынес вида неприятельского огня, как будто никогда раньше его не видел. Пораженный одновременно стыдом и страхом, он не вышел навстречу, не защищал своего, но скорбел о случившемся сверх меры и, как бы оставив всякую надежду, вследствие своего горя впал в тяжелую неизлечимую болезнь. Доставленный на носилках с большой скоростью в Селевкийские и Ктезифонийские дворцы, причем его отступление напоминало бегство, немного спустя он умер.

30. Не знаю, какой охвативший меня порыв речи, вдохновленной, как полагаю, достопримечательностью события, привел к такому безрассудству, что, оставив описание очередных событий, я начал вспоминать о гораздо более отдаленных.

Поэтому, когда теперь сознаю, куда пришел [я в своем описании] и с чего начал, должно быть опущено то, что опишем в свое время. Возвращаясь к последовательному непрерывному описанию последующих событий. [Я дал] последовательность персидских царей, количество лет [их царствования], одним словом, все, мною обещанное, я уже выполнил. И, я думаю, это описание представляет совершенную истину и тщательно выполнено, как заимствованное из персидских летописей. Коша переводчик Сергей был там и настойчиво просил начальников и хранителей царских летописей передать ему записи, касающиеся этого (ибо часто я просил его об этом), то он указал, что не ради чего другого добывается этого, а только для того, чтобы и у нас были обнародованы их летописи и то, что у них почитается. Они, правильно поступив, быстро удовлетворили его просьбу, считая дело небезвыгодным, но относящимся к славе их царей, если и у римлян будет известно, кто они, сколько их было и каким образом сохраняется наследование в их династии. Итак, Сергей получил [документы] об их именах, хронологических данных важнейших событий, совершенных ими, и, переведя это искусно на греческий язык (он был лучшим из переводчиков, которому удивлялся сам Хосров, как первому по знаниям в обоих государствах и, естественно, сделал перевод наилучшим образом), принес мне все добровольно и дружественно и просил выполнить дело, ради которого он приобрел их. И вот теперь это выполняется так, что если у Прокопия риторика нечто совершившееся при Каваде и рассказывается другим образом, то мы следовали персидским летописям и придерживались того, что они писали, как более верного. Так как этот труд нами полностью закончен, то возвращаемся к продолжению истории, которая была прервана на рассказе о событиях в Лазике.

31. Таким образом, Нахогаран за свое безрассудство и за то, что он потерпел полное поражение от Мартина и римских войск и за постыдное бегство в Иверию, был предан жесточайшей смерти, как выше было мною сказано. Хосров же убедился, что он не в состоянии воевать против римлян в Колхидской земле, так как они, владея морем, легко посылают туда все, в чем нуждаются, он же вынужден с величайшим трудом длинными и пустынными путями посылать в свои лагеря даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных. Поэтому он решил заключить мир повсеместно, чтобы он не был частичным и неполным, ограниченным только определенной местностью, и поэтому шатким, но таким, какой одинаково везде был бы прочным. В силу этого он посылает с посольством некоего перса из лиц наиболее авторитетных, имя которого было Зих. Когда тот явился к императору Юстиниану и много говорил ему о настоящем положении вещей, много и выслушал от него в ответ, то они, наконец, сошлись на том, чтобы римляне и персы сохраняли в Лазике все, что получили по праву войны, будь то города или укрепления. В то же время обе стороны обязывались сохранять спокойствие и воздерживаться от войны, пока оба правительства не договорятся о более прочном и совершенном мире. Таким образом Зих, выполнив свои поручения, вернулся домой. Когда об этом были осведомлены военачальники, оба войска надолго прекратили военные действия. И то, что раньше произошло самопроизвольно, теперь было закреплено договором.

>>далее>>